

О.Н. ТЮТЮНОВА
(Волгоград)

ТАКТИКА ЛЖИ В ДИСКУРСЕ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ (на материале немецкого и русского языков)

Проанализированы примеры использования коммуникативной тактики лжи в дискурсе судебного заседания, выявлена этнокультурная специфика ее употребления русскими и немцами участниками судебного дискурса.

Ключевые слова: *дискурс, коммуникативная тактика, коммуникативная стратегия, суд, ложь.*

Интерес к сущности лжи, а также причинам лживости не угасает на протяжении долгого времени и является предметом исследований в различных научных направлениях. Философия рассматривает проблему лжи в рамках этики, пытаясь дать положительную или отрицательную оценку данному аспекту человеческого поведения. В психологии ложь исследуется как феномен человеческого поведения. О перспективности и актуальности изучения диагностик ложности показаний свидетельствуют многочисленные работы в рамках юридической психологии, посвященные детектору лжи: теории построения полиграфа и эффективности его применения, например, при доказательстве обвинения в суде (В.В. Знаков (1993), В.В. Романов (1997), С.И. Симоненко (1998)). В языкознании об актуальности исследований механизмов лжи, лживых речевых актов как специфического жанра, многообразных тактических функций вербальной и невербальной лжи свидетельствуют работы, выполненные в рамках лингвистики лжи (М.М. Бахтин (1996), А.Б. Бушев (2003), Х. Вайнрих (1987), А.В. Ленец (2009), С.Н. Плотникова (2000), В.И. Шаховский (2005), G. Falkenberg (1982, 1984), В. Giese (1992), М. Piwonka (2003)).

Ложь существует на всех уровнях и во всех сферах человеческого общения [3, с. 79]. Коммуникация в суде не является исключением. В центре нашего исследовательского интереса находится дискурс судебного заседания, целями которого являются установление истины в процессе, осуществление правосудия и восстановление справедливости. Анализируя инсценированные телевизионные передачи «Встать, суд идет», «Федеральный судья», «Das Jugendgericht», «Das Familiengericht» и «Das Strafgericht», мы определили базисные коммуникативные стратегии судебного дискурса в немецком и русском социумах, а также выявили базисные и второстепенные коммуникативные тактики, реализующие его стратегии.

Коммуникативная тактика лжи является одной из базовых в судебном дискурсе [2, с. 72]. Специалисты в области юридической психологии называют следующие мотивы сообщения ложных сведений: боязнь испортить отношения с лицами, проходящими по делу, страх мести, трусость, стремление скрыть собственные неблагоприятные поступки, выгородить ответчика или смягчить его вину в силу родственных, дружеских отношений или из корыстных соображений либо, наоборот, усугубить вину этого лица из мести, ревности или иных побуждений, нежелание в последующем выступать в качестве свидетеля, быть вызванным в суд и т.д. [1, с. 184].

В ходе исследования коммуникативных стратегий дискурса судебного заседания мы отметили примеры использования коммуникативной тактики лжи для реализации стратегий самозащиты и обвинения как в немецком, так и в русском судебном дискурсе. Перефразируя немецкую поговорку «правда – лучшее оружие», можно с уверенностью отметить, что и «ложь – лучшее оружие», поскольку она является одним из эффективных способов защитить себя в суде от подозрения или обвинения в совершении преступления, что в некоторой степени доказывается результатами нашего исследования. Использование тактики лжи проявляется в том, что обвиняемый или свидетель обвинительной стороны умышленно говорит неправду, представляя суду свою версию происшествия после предупреждения

его об ответственности за дачу ложных показаний. Как известно, лжесвидетельство является преступлением, поскольку свидетель нарушает данное им клятвенное обещание говорить только правду и тем самым препятствует правосудию, для нормального свершения которого требуется абсолютная уверенность в правдивости всех свидетельств.

Приведем несколько примеров употребления тактики лжи в целях самозащиты. Подсудимая, зарабатывающая деньги участием в съемках порнографических фильмов, лжет о том, что сумму в 5000 евро получила в подарок от матери: **Richter:** *Frau Eggert, Sie haben dem Gericht Kontoauszüge zur Verfügung gestellt. Um einfach mal nachzuvollziehen, wie es zu solchen nicht unerheblichen Bewegungen auf diesem Konto kommt. Woher stammen diese 5000 Euro? Das ist ja auch ziemlich viel Geld...* **Die Angeklagte:** *Das Geld habe ich von meiner Mutter. Meine Mutter war so großzügig und hat mir dann 5000 Euro geschenkt.* Следующий пример показывает использование названной тактики обвиняемой в покушении на убийство своей приемной матери: **Die Angeklagte:** *nach dem Streit hab ich meine Tasche gepackt und bin dann zu meinem Vater gefahren.* Владелец строительной фирмы, незаконно использующей труд несовершеннолетних, в ходе допроса лжет, что он не в курсе происходящих дел на производстве. На вопрос прокурора о том, известен ли ему факт незаконного трудоустройства подростков и знаком ли ему мальчик, работавший и покалечившийся на стройке, обвиняемый отвечает: *Из рабочих кто-то там привел племянника, родственника помочь на два-три часа. Я этого мальчишку и не знаю. Никогда не видел.* В следующих примерах использования свидетелем тактики лжи реализуется стратегия обвинения в сравниваемых дискурсах: **Свидетель:** *мы все разошлись по домам, только Вовка остался там.* **Zeuge:** *ich habe sie gesehen, wie sie mit dem Kanister in die Wohnung ging, und kurz danach stand schon alles in Flammen.*

Необходимо отметить, что сразу распознать примеры тактики лжи в отдельных эпизодах не представляется возможным, поскольку для этого необходимо знать развязку судебного разбирательства, где процесс установления истинности свидетельских показаний завершается. Приведем пример из допроса подсудимой: *Никакого документа у меня не было. Вы мне подсунили какую-то бумажку. Никакого документа, согласия я Вам не подписывала.* Данный пример можно истолковать как образец тактики отрицания вины (*Никакого документа, согласия я Вам не подписывала*) и отвода подозрения (*Вы мне подсунили какую-то бумажку*). Интересным представляется и следующий пример тактики лжи, в котором подсудимая, ссылаясь на то, что сама стала жертвой обмана, в своих показаниях говорит неправду: *Ваша Честь, дело в том, что меня обманули. Меня обманули врачи, меня обманула Карева. Дело в том, что свое согласие я не давала, они мне сказали, что я должна что-то подписать, что это новый порядок такой.* Данный пример также демонстрирует умышленную передачу сведений, не соответствующих действительности. Цель подсудимой – с помощью вербальных (и/или невербальных) средств коммуникации дезинформировать агентов и клиентов судебного дискурса, ввести их в заблуждение относительно истинного положения дел в обсуждаемой области. Однако интенция лжесвидетеля может быть растолкована и как попытка оправдания (*Ваша Честь, дело в том, что меня обманули*), и обвинения третьего лица (*Меня обманули врачи, меня обманула Карева; они мне сказали, что я должна что-то подписать*).

В своем исследовании мы не задавались целью установить ряд признаков, диагностирующих вербальную ложь показаний. Не подлежит сомнению, что вопрос о существовании лживой лексики или лживого синтаксиса, эмоционального фона показаний, его схематичности, заученности воспроизведения вербальных структур может стать предметом самостоятельного исследования. Однако заметим, что в наших примерах использования тактики лжи часто обнаруживается приблизительная номинация (*кто-то там, два-три часа, какая-то бумажка, что-то подписать*), что сближает данную тактику с уходом от ответа. Таким образом участник процесса пытается представить факты в своих показаниях как необязательные, неважные, не заслуживающие внимания, пытается предстать неосведомленным и уйти от возможных вопросов агентов судебного дискурса.

Одним из главных тактических приемов, используемых судьей с целью изобличения свидетеля в даче ложных показаний, является эмоциональное воздействие. Судья как главный агент судебного дискурса разъясняет правовые последствия дачи ложных показаний: *Предупреждаю Вас об ответственности за дачу ложных показаний. Все, что Вы скажете суду, должно быть только правдой; Напоминаю Вам, что статья 51 Конституции РФ позволяет Вам хранить молчание. Но если Вы будете говорить, то имейте в виду, что установлена уголовная ответственность за дачу ложных показаний. Все, что Вы скажете, должно быть чистой правдой; Sie wissen, dass man vor Gericht die Wahrheit sagen muss. Man darf nichts Falsches sagen, sonst macht man sich strafbar; Frau Sander, zunächst die Belehrung. Als Zeugin vor Gericht müssen Sie die Wahrheit sagen. Im Falle der Falschaussage würden Sie sich strafbar machen.*

Этнокультурная специфика употребления тактики лжи русскими и немецкими участниками судебного дискурса отражена в частотности применения указанной тактики в целях самозащиты или обвинения. Так, в немецких текстах судебных заседаний для реализации стратегии самозащиты тактика лжи используется в 8,7% случаев, в русских – в 13,1%. Коммуникативная тактика лжи применяется для реализации коммуникативной стратегии обвинения в 2% примеров на русском и 3% примерах на немецком языке. На основании соотношения частотности применения тактики лжи участниками сравниваемых социумов можно сделать вывод о том, что свойственное русской традиции парадоксальное отношение к закону, суду и правде отчасти отражено и в нашем материале. Тактический выбор русских клиентов судебного дискурса для самозащиты наглядно демонстрирует намерение участников русского дискурса обойти закон, любыми способами уйти от ответственности за совершенное деяние, перевести внимание профессиональных агентов на других, для чего ими преимущественно используется тактика лжи.

Литература

1. Романов В.В. Юридическая психология. М., 1997.
2. Тютюнова О.Н. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса (на материале немецких и русских телевизионных передач) : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
3. Шаховский В.И. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: аспекты исследования : сб. науч. ст. Волгоград : Перемена, 2005.

Tactics of lie in the discourse of sitting of the court (based on the material of the German and Russian languages)

There are analyzed the examples of lie communicative tactics use in the discourse of sitting of the court, revealed the ethnic and cultural specificity of its use by Russian and German participants of judicial discourse.

Key words: *discourse, communicative tactics, communicative strategy, court, lie.*